

полигона, на котором проявляются уровень способностей и ориентаций на ту или иную форму будущей инженерной практики – техники, способные обслуживать высокотехнологическое оборудование, линейные инженеры, способные обслуживать технологические процессы, выполнение производственного плана и т.д. и, наконец, третье направление – инженер *инновационный*, который работает на опережение и на создание новых технологий. Аналогичным образом, наши эксперты конструктивно предлагают разделить как бакалавриат, так и магистратуру. Одну ветвь магистратуры была бы направлена на процесс управления производством и подготовку высококвалифицированных *инженеров-менеджеров*, сочетающих базовые технические знания с умениями в области экономики, психологии и т.п. А вторая ветвь магистратуры была бы призванной готовить *инженеров-инноваторов*, как создателей нового. Иными словами, одни магистранты призваны в будущем генерируют новое, а другие магистранты – находить способы реализации этого нового в реальной производственной практике.

УДК 316.35

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КРЕСТЬЯНСКОГО СОСЛОВИЯ ЮЖНОГО УРАЛА И СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Петров Владимир Иванович

кандидат исторических наук, доцент

Кубанский государственный университет, Краснодар

E-mail: history1380@mail.ru

SOCIO-ECONOMIC DESCRIPTION OF PEASANT CLASS OF SOUTH URAL AND MIDDLE VOLGA REGION IN THE SECOND HALF OF XIX CENTURY

Vladimir Petrov

Candidate of History, associated professor

Kuban State University, Krasnodar

АННОТАЦИЯ – Несмотря на реформу по отмене крепостного права, беднейшие крестьяне Урала и Поволжья не смогли переехать в города. Основная масса крестьянского сословия осталась в различного рода зависимости и существенно изменить характер аграрного производства в собственных наделах не смогла.

ABSTRACT – Despite the reform of the serfdom abolition, the poorest peasants of the Urals and the Volga region could not move to cities and towns. Most peasants remained in various kinds of dependence and could not substantially change the nature of agricultural production in their own allotments.

Ключевые слова: Динамика численности крестьянства, формирование сельской буржуазии, земельные наделы.

Keywords: Dynamics of the peasantry number, formation of the rural bourgeoisie, allotments.

На Южном Урале в 1867 г. крестьян насчитывалось 1739640 человек, что составляло 81% от всего населения региона.

Таблица 1

Крестьянское население Южного Урала в 1867 году [1; 72]

Губерния	Гос. Крестьяне	Помещичьи и удельные крестьяне	Колонисты и крестьяне других наименований	Всего
Оренбургская	450088	78521	2739	531348
Уфимская	944925	203863	59504	1208292
Всего по региону	1395013	282384	62243	1739640

Это было меньше доли крестьян в губерниях Среднего Поволжья (89,7% от общего количества жителей). Казаки и члены их семей не числились в составе крестьянского сословия. К причинам такого отличия можно отнести более активный процесс формирования сельской буржуазии на Южном Урале и, соответственно, более быстрый процесс расслоения крестьянства в южных губерниях Урала. Деревня же Среднего Поволжья (Казанской, Симбирской губерний и северных уездов Самарской губернии) отличалась замедленными темпами капиталистического развития и менее отчетливыми признаками расслоения крестьянства. Здесь сельский буржуа наряду с чисто сельскохозяйственным производством повсеместно занимался ростовщичеством, скупкой и перепродажей крестьянских товаров. В южных уездах Самарской губернии и в Оренбургской, Уфимской губерниях этот процесс проявлялся намного интенсивнее, глубже и шире, здесь складывался наиболее обеспеченный слой сельской буржуазии, занимавшей главные позиции в расширенном сельскохозяйственном производстве. В таких хозяйствах формировались особый строй и быт деревенской жизни, близкий к фермерскому укладу. Часть крестьянства имела достаточно средств для переселения в города и занятия торговлей или ремесленным делом, что сокращало крестьянское сословие. От преобладания в конкретной местности того или иного пути буржуазной аграрной эволюции зависели глубина и уровень социально-классового расслоения крестьянства – самого значительного процесса пореформенной деревни, в ходе которого сельское население расслаивалось на массу бедняков, сельский пролетариат и небольшой слой зажиточной верхушки, имевшей землю, основной рабочий скот, технику. К причинам, уменьшавшим долю крестьянского населения на Южном Урале, можно отнести также и наличие значительной части казачества в составе населения как Оренбургской, так и Уфимской губерний. Так, в середине 1860-х гг. здесь насчитывалось оренбургских и уральских казаков с отставными чинами и членами семей – 48376 человек (или 2,3%) [2;16], а к 1897 г. только в Оренбургской губернии представителей казачества было 365080 человек (или 22,8%) [3;13]. Многочисленные налоги и повинности крестьян второй половины века, не соответствовали доходности от земледелия и скотоводства, вызывали систематическое накопление недоимок, взыскание которых все дальше толкало крестьянство к черте нищеты, после голода 1871-1872 и 1890-1892 гг. вымирали целые деревни. Тяжелое экономическое положение большей части крестьянского сословия углублялось произволом властей, неравноправием. Обедневшие крестьяне уходили в города в поисках работы, вливаясь в ряды формирующегося рабочего класса страны. Особенно ощутимым этот процесс стал к концу XIX века.

После 1867 г. крестьянское сословие в изучаемых регионах не сократилось, а существенно выросло к концу XIX в.

Таблица 2

Крестьянское население Среднего Поволжья и Южного Урала во второй половине XIX века и динамика его численности с 1867 по 1897 год [5;75]

Губерния	Крестьян в губернии в 1867 г.	% крестьян от всего населения	Крестьян в губернии в 1897 г.	% крестьян от всего населения	Динамика численности крестьян с 1867 по 1897 гг., в %
Казанская	1516660	90,8	2045519	94,2	34,9
Симбирская	1070802	89,8	1439067	94,2	34,4
Самарская	1542181	88,5	2550980	92,7	65,4
По региону	4129643	89,7	6035566	93,7	44,9
Оренбургская	531348	63,2	1026732	64,2	93,2
Уфимская	1208292	93,1	2196642	94,7	81,8
По региону	1739640	78,2	3223374	79,5	87,5

Освобождение от крепостничества, отмена подушной подати с мещан в 1863 г. делали для крестьянства привлекательной возможностью переселиться в города и в промысловые поселения из своих деревень, и такое переселение происходило, но существовали серьезные препятствия. По «Общему положению о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» бывший крепостной, желавший получить увольнение из сельского общества должен был отказаться от предоставленного надела, сдать участок земли, находившийся в его пользовании, не иметь казенных, земских и мирских недоимок, а также он должен был быть свободным от рекрутской повинности, не состоять под судом и не иметь взысканий и обязательств от волостного правления [4;63]. Правительство предусмотрело меры, препятствовавшие переселению крестьянского сословия из деревни. Так, с 1861 по 1870 гг. для увольнения крестьян из общины требовалось согласие помещика и общества, что создавало в совокупности с невозможностью восстановить (вернуть) участок земли в случае неудачи на новом месте серьезные помехи на пути переезда в города.

Таким образом, основной возможностью для перемещения крестьян из своей деревни на завод, на фабрику, в город было отходничество. Крестьянин, решившийся совершить отход из деревни, сохранял свой крестьянский статус и не терял связь с общиной. Отходничество предполагало временное выбытие его из состава сельской общины. Но и для отходничества крестьянину необходимо было преодолеть многие трудности. В «Уставе о паспортах» «Свода законов Российской империи» говорилось: «Никто не может отлучиться с места своего постоянного жительства без указанного вида или документа» [6;154]. Характер выдаваемого документа зависел от расстояния и продолжительности отхода земледельца от деревни (от общины). Письменные виды выдавались крестьянам бесплатно при убытии из деревни, но не более чем на тридцать верст. Чаще всего это могло быть поездкой на ярмарку или в город для обычной реализации продуктов, кустарных изделий. Если крестьянин выезжал из деревни на расстояние больше тридцати верст и на срок до 6 месяцев, то он должен был получать месячный, двух – или трехмесячный билет [7;1]. Билет надо было выкупать, заплатив за него от 15 до 60 копеек. В том случае если крестьянин выезжал дальше 30 верст и на срок больше 6 месяцев, то он обязан был получать паспорт. Причем оформление паспорта обходилось достаточно дорого. Полугодовой плакатный паспорт выходил в 85 копеек, годовой – 1 рубль 45 копеек, двухгодовой – 2 рубля 90 копеек, трехгодовой – 4 рубля 35 копеек серебром [8;118].

Еще в 1867 г. крестьяне составляли всего лишь 14,5% от общего числа жителей городов Южного Урала и 18,7% от численности населения уездных и губернских городов в Среднем Поволжье. Самой низкой доля крестьянского населения в составе городов была в Оренбурге – 7,4% и в Самаре – 8,5%. В Симбирске и Казани она была соответственно 19,7% и 19,6%, а в уездных городах Казанской губернии крестьян проживало в 1867 г. 27,4%. К концу века, то есть за 30 лет, население городов Южного Урала увеличилось на 134,8%, а крестьян, проживавших в городах – на 462,8%. На Среднем Поволжье эти показатели были ниже - 77%, а численность крестьян в них возросла на 337,4%. Среди городов Среднего Поволжья приток крестьянского населения был самым высоким в Самаре – 1258,3%, в Казани – 474,3%. В губернских городах Южного Урала в равной степени отмечался приток крестьян: в Уфе – 698,1%, в Оренбурге – 600,3%. В уездных городах прирост крестьянского населения в самом конце века (к 1897 году) уступал притоку крестьян в губернские города в два и более раз. Исключением является лишь город Симбирск и уездные города Симбирской губернии (276,1% и 211,5%). С 1867 по 1897 гг. здесь шел процесс интенсивного переселения крестьян в губернские и уездные города, что стало возможным только после реформы 1861 г. Переселялись, главным образом, отходники, сохранившие свой сословный статус и свои связи с деревней. Крестьяне к концу XIX века в изучаемом регионе составляли самую большую прослойку городского населения, опередив по численности все другие сословия (рабочих из дореформенного времени, мещан, разночинцев, мелких служащих, торговцев, приказчиков и т.д.).

Наряду с категориями местного крестьянства Южного Урала и Среднего Поволжья во второй половине XIX в. формируется значительное число крестьян–переселенцев. Но в отдельную категорию крестьянства можно выделить только тех крестьян–переселенцев, которые не приписались к волостям или к мещанским обществам, то есть к отдельному разряду необходимо относить крестьян-переселенцев, поселившихся на купленных или арендованных землях в поселениях или в новых хуторах. Так, в Оренбургской губернии на 1881 г. из 109485 переселенцев к отдельному переселенческому разряду крестьянства можно отнести лишь 36,1%, то есть 39524 человека, так как остальные переселенцы находились в составе наемных работников в местных крестьянских хозяйствах (34,6%), занимались ремеслом (21,3%), торговлей (8%) [9, 3].

Увеличение численности крестьянского сословия в Среднем Поволжье в изучаемый период в 2 раза отставало от соответствующего показателя по Южному Уралу, который был объектом интенсивного переселения. Многонациональное крестьянство регионов в большей степени было занято земледелием и скотоводством, нежели крестьяне в целом по европейской части России. Почти 95% крестьян на Южном Урале было занято в традиционной аграрной отрасли, в Среднем Поволжье – 89% крестьян, а в среднем по европейской России – 76,5%. На капиталистический путь развития сельского хозяйства, отрываясь от общины, более активно переходили крестьяне Оренбургской и южной части Самарской губерний. Несмотря на более высокую положительную динамику численности крестьянства на Южном Урале, все же доля крестьянского населения в составе жителей к концу XIX в. осталась выше в Среднем Поволжье (на 14,2%). К причинам такого отличия доли крестьянства в составе населения регионов можно отнести более быстрый процесс социального расслоения крестьянства в губерниях Южного Урала. Здесь успешно формировался слой сельской буржуазии и близкий к фермерскому уклад деревенской жизни, дававший возможность переезда в города. На общую численность сельского аграрного населения влияло наличие представителей казачества (365080 человек или 22,8% от всего населения в 1897 г.) в Оренбургской губернии, так как многие из них (почти все) занимались земледелием и скотоводством. Рост крестьянского населения в городах Среднего Поволжья за 1867-1897 гг. обогнал общую динамику численности населения городов в пять раз, на Южном Урале – в четыре раза. Переселение крестьян в города шло фактически наперекор попыткам правительства сдержать уход крестьян из общины на основе паспортного законодательства и ряда других административных мер.

Несмотря на трудности, связанные с возведением жилья, распашкой земель устроившиеся переселенцы изучаемых регионов в среднем имели в 1889 г. 26,6% десятин на двор, а местное крестьянство по ряду причин имело по 4,59 десятины на двор в Самарской губернии, по 4,32 десятины в Уфимской губернии, в Оренбургской губернии – 4,5 десятины. По данным «Русского вестника» за 1883 г. наделы землей самарских крестьян, как помещичьих, так и государственных были следующими: 1,3% крестьян имели наделы до 1 десятины на душу, 3,7% - по 1-2 десятины, 0,8% - по 2-3 десятины, 9,7% - по 3-5 десятин, 49,1% - по 5-10 десятин, 31,8% - по 10-20 десятин, 3,5% - по 20-50 десятин, 0,1% - свыше 50 десятин [10, 42]. Таким образом, при приблизительном пересчете на двор (3,5 души) приходилось немногим более 20 десятин, то есть даже переселенцы, купившие или арендовавшие земли, оказывались с более крупными наделами.

Основная часть крестьянского населения Южного Урала и Среднего Поволжья занималась хлебопашеством, выращивая рожь, пшеницу, ячмень, овес, горох и другие культуры. К концу XIX века земледелием было занято в Самарской губернии 92% крестьян, в Симбирской – 88,9%, в Казанской – 87,4%, в Оренбургской – 97,9%, в Уфимской – 91,8% [11; 108-112]. Но и занятые животноводством, в подавляющем большинстве случаев, крестьяне называли своим этот вид деятельности одновременно с земледелием, так как содержание скота в каждой крестьянской семье было неразрывно связано с земледелием. По сведениям «Статистического временника Российской империи о поземельной собственности», в 1877 г. средний земельный надел бывшего помещичьего крестьянина

Среднего Поволжья составил 2,46 десятины, бывшего помещичьего крестьянина Южного Урала – 3,2 десятины.

Таблица 3

Средние душевые наделы различных разрядов крестьян Южного Урала и Среднего Поволжья в 1877 г. (в десятинах) [13; 84]

Губернии и регионы	Бывшие помещичьи		Бывшие удельные		Бывшие государственные		Прочие разряды на ревиз. Душу
	на ревиз. душу	на наличн. душу	на ревиз. душу	на наличн. душу	на ревиз. душу	на наличн. душу	
1	2	3	4	5	6	7	8
Казанская	2,68	2,30	3,94	3,58	5,25	4,48	-
Симбирская	2,67	2,30	4,25	3,45	4,18	3,30	-
Самарская	3,55	2,99	6,84	5,52	10,78	8,77	13,2
По региону	2,87	2,46	5,06	4,12	7,46	6,22	13,2
Оренбургская	3,72	3,21	6,82	5,76	10,55	8,64	14,1
Уфимская	3,40	3,18	5,46	5,12	7,24	6,38	11,2
По региону	3,56	3,20	6,14	5,44	8,89	7,51	12,6

Бывшие удельные крестьяне в изучаемых регионах в 1870-х гг. имели наделы не на много больше, чем бывшие помещичьи: в Среднем Поволжье – 4,12 десятины, на юге Урала – 5,4 десятины. Бывшие госкрестьяне этих регионов имели наделы на наличную душу более 7 дес. на Южном Урале и более 6 дес. в Среднем Поволжье. Но эти данные приведены без учета купленной земли сверх той, что получена была по реформам 60-х годов и взята в аренду в 70-х годах. В целом общие показатели размеров земельных наделов крестьян Южного Урала и Среднего Поволжья превышают средний показатель по Европейской России, где на 1 душу бывшего помещичьего крестьянина приходилось 2,91 десятины, бывшего удельного – 4,07 десятины, бывшего государственного – 5,15 десятины земли [12; 43-47].

Экономическое положение крестьянства, как основного податного сословия в изучаемых регионах, как и в целом по России, во второй половине XIX в. было сложным. Отмена крепостного права поставила крестьян перед фактом о необходимости выкупа своих наделов. Выкупная цена десятины в Среднем Поволжье варьировалась от 12 руб. 50 коп. до 104 руб. 14 коп. На Южном Урале – в среднем 28 руб. за десятину. Система отрезков существенно убавила и без того небольшие наделы. Крестьяне вынуждены были брать в аренду еще дополнительные участки земли, а после отмены временнообязанного состояния в 1883 году, искать возможности закупать земли у помещиков, купцов и других владельцев (духовные лица). Увеличение покупок земли или перевод на выкуп без желания крестьянина были особенно заметны в 1883-1892 гг. и в целом по всей Европейской России. Причем, крестьяне пытались выкупать те земли, которыми они уже пользовались до 1861 года, то есть земли, попавшие под отрезки, или арендованные у помещика. Наряду с необходимостью выкупать земли для ведения своего хозяйства (45,0% платежей) крестьяне облагались общественными сборами, процент которых в налоговом обложении доходил до 19,7, крестьяне выплачивали земские сборы (14,3% платежей), государственные налоги (12,7% платежей), волостные сборы (8,3%). Даже зажиточная крестьянская семья Оренбургской губернии, имея несколько наемных работников, с трудом выдерживала налоговый пресс в пореформенное время. В таких условиях происходило более быстрое расслоение крестьянства на беднейших и зажиточных мелких собственников. Беднейшее крестьянство в период неурожая часто первым подвергалось угрозе голода и голодной смерти. Так, в Оренбургской губернии в период голода 1891-1892 гг. крестьянство получило 15549 пудов хлеба из местных запасов губернии и 3137430 пудов хлеба в результате неотложных

действий правительства России. Не только засухи и неурожаи были главными причинами бед крестьянства. Тяжелый налоговый пресс и выкупные платежи приводили к росту недоимок, взыскать которые можно было только описав и изъяв скот, инвентарь и другое имущество крестьянской семьи.

Крестьянство Южного Урала и Среднего Поволжья выступало в качестве арендатора помещичьих и, часто, купеческих земель для обработки, а также пастбищ и сенокосных угодий. В Среднем Поволжье цена аренды десятины земли была выше, чем в уездах Оренбургской и Уфимской губерний. Так, в Самарской губернии самыми высокими ценами аренды отличались земли Ставропольского, Бугульминского, Николаевского уездов – до 12-13 руб. за десятину [14; 9], а в Оренбургской губернии к этому же 1882 г. самая высокая цена аренды за десятину была в Никольской волости Оренбургского уезда – 1 руб. 27,5 коп. [15, 11-13]. Наиболее низкой была цена аренды за десятину земли в Михайловской волости Троицкого уезда Оренбургской губернии – 17,4 коп. [16; 11-13], где она была мало пригодной к возделыванию. В начале 1860-х гг. урожайность яровых культур (пшеница русская, белотурка, «Гуль-бидай», рожь) в губерниях Среднего Поволжья составила сам – 3,9 – сам - 4,8, в губерниях Южного Урала – сам – 2,9 [17; 22-24].

Сельскохозяйственное производство в хозяйствах изучаемых территорий на протяжении второй половины XIX в. носило экстенсивный характер. Если в помещичьих хозяйствах возникали попытки применить технические усовершенствования, то у крестьян использовались самые примитивные и традиционные орудия труда – соха, деревянные бороны, хлеба засеивались и косились вручную. Исключением лишь являлись заселенные русскими крестьянами большинство уездов Симбирской губернии, Николаевский, Новоузенский, Бузулукский уезды Самарской губернии, Оренбургский уезд. Здесь с 80-х гг. XIX века был замечен процесс замены старой земледельческой техники новыми и усовершенствованными орудиями и машинами. Так, в хозяйствах Новоузенского уезда Самарской губернии первое место занимало использование железных плугов (76,8%), затем – веялок (12,9%), молотилок (4,8%), конных жнеек (7,5%) и конных граблей и косилок (3%) [18, 145]. Исключительное значение для успешного земледелия имело наличие лошадей – главного тягла для всех работ. С 1860-х по 1880-е гг. в крестьянских хозяйствах Среднего Поволжья произошло заметное сокращение поголовья лошадей. В целом по региону количество лошадей сократилось на 16-25% [19; 17-28], это произошло вследствие неурожаев, малоземелья, непомерно тяжелых выкупных платежей, налогов.

В крестьянских хозяйствах Уфимской и Оренбургской губерний обеспеченность тяглом находилась в удовлетворительном состоянии лишь в зажиточных хозяйствах и хозяйствах служилого казачества, где в 1860-х гг. поголовье лошадей увеличивалось. Так, по ведомостям о состоянии скотоводства в Оренбургском казачьем войске в 1861 г. насчитывалось 193909 лошадей, а в 1862 г. уже 201459, то есть за один год поголовье увеличилось на 3,4%, количество коров увеличилось со 165383 до 173674 голов, то есть на 5,0% [20; 24]. Крестьяне Южного Урала и южных уездов Самарской губернии в качестве тягла вынуждены были иногда применять быков и верблюдов (в Николаевском уезде Самарской губернии – 54 верблюда) [21; 7]. В последней четверти века в связи с массовым переселением крестьян в Оренбургскую и Уфимскую губернию потребность в лошадях рабочего возраста в несколько раз возрастала, особенно в 70-х - 80-х гг. Прибывшие переселенцы были «безлошадными», по этому спрос на тягловый скот на протяжении всей второй половины XIX в. был устойчиво высоким. Несмотря на то, что на границе Оренбургской и Самарской губерний в 1876-1878 гг. возникают так необходимые конезаводы (заводы В. Толстого и И. Курмина в Бугурусланском уезде, завод Н. Кропачева в Николаевском уезде, большой завод в 230 голов Е.Н. Стобеуса в с. Могутово Бузулукского уезда [22, 60-61] и др.) все же потребность в лошадях удовлетворяли крестьянские хозяйства местных жителей [23; 20]. Лошади были местной породы – помесь русской рабочей с башкирской лошастью. Они отличались неприхотливостью и быстро восстанавливались

после изнурительной работы. Самарская лошадь не имела особых различий от башкирской [24; 99].

В конце XIX в. исключительно животноводством в изучаемых регионах занималась незначительная часть самостоятельных крестьян. Так, в Самарской губернии разведением лошадей, занималось 5591 человек или 0,22% от всего крестьянского населения губернии, в других губерниях Среднего Поволжья, а также в губерниях Южного Урала в конце XIX века крестьяне практически не выделяли занятие животноводством в отдельный самостоятельный вид хозяйственной деятельности [25, 160-161].

По данным переписи населения 1897 г. крестьяне Оренбургской губернии выделили как основной вид своей деятельности земледелие и животноводство (в совокупности) – 232490 самостоятельных хозяев и 1005361 – члены из семей (97,9%). Из них, помимо этого основного занятия, имели побочные промыслы 56800 крестьян (с членами семей) [26; 77-78]. К земледелию относилось выращивание ржи, пшеницы, ячменя, овса. К побочным промыслам относилось возделывание овощных, технических культур, лесоводство, пчеловодство, садоводство, рыболовство. В Оренбургской губернии на первом месте из побочных занятий были лесные промыслы: заготовка лесных материалов, распиловка дров, изготовление луба – 1898 крестьян, а также корзиночное производство – 1561 человек было занято в нем. Преобладали эти занятия в Орском и Оренбургском уездах. Большое число крестьян было задействовано в добыче золота, платины – 1697 человек (Троицкий, Верхнеуральский уезды), в войлочном производстве – 1517 чел. (Оренбургский, Челябинский уезд), в производстве колесных ободьев, оглобель, бондарном деле – 1128 крестьян (в Орском уезде – 526, в Оренбургском - 331). Из экономически значимых крестьянских промыслов необходимо назвать мукомольное производство, кузнечное дело, рогожное, мочальное производства, изготовление растительного масла, пчеловодство, огородничество, ловля рыбы (речное рыболовство).

Крестьянство Оренбургской губернии производило такие значительные объемы зерна, технических культур, масла, жиров, сырья для растительного масла, что обеспечивало в полном достатке внутригубернский рынок, а также реализовывало часть продукции на крупных и средних ярмарках страны. В Оренбургской губернии во второй половине XIX века, за исключением 1886-1890 гг., хлеба было в избытке. По товарности зернового производства она опережала Уфимскую губернию. Одним из промыслов крестьян губернии являлось заготовка дров, пеньки. Так, 16 февраля 1876 г. в Оренбурге рассматривалось дело по обвинению жителей деревень Куватовой и Усмановой о самовольной порубке леса. Главной причиной массовой порубки леса была цель продать его в другие населенные пункты губернии. В Уфимской губернии главными видами своей деятельности в 1897 г. крестьяне назвали земледелие и животноводство – 1910870 человек (с членами семей), а это 91,8% от всего крестьянства. Из них 78467 крестьян приобщены были, в разной степени, к побочным промыслам. Самым многочисленным по числу занятых побочным промыслом крестьян губернии во второй половине XIX века являлось пчеловодство – 5252 крестьянина было занято производством меда. Больше всего сельских пчеловодов было в Бирском уезде – 1751 и в Стерлитамакском уезде – 1109 человек. Практически не занимались пчеловодством крестьяне Златоустовского уезда.

На втором месте у сельского населения было занятие лесным промыслом, а именно заготовка лесных материалов, дров, сплавка делового леса (обкомленного бревна, то есть очищенного от сучков, коры и отсортированного по толщине). Менее всего этот промысел был развит среди крестьян Белебеевского уезда. Третьим по числу занятых крестьян в губернии было кустарное производство льняных и пеньковых изделий. Причем этим промыслом занимались исключительно женщины и дети. В Уфимском уезде 1760 членов крестьянских семей занимались выделкой льна и пеньки, и в Бирском – 1464.

Таким образом, многонациональное крестьянство регионов в большей степени было занято земледелием и скотоводством, нежели чем крестьяне в целом по европейской части России. На Южном Урале - 94,9% крестьян было занято в традиционной аграрной отрасли, в

Среднем Поволжье – 89% крестьян, а в среднем по европейской России – 76,5%. Из перечня занятий крестьян изучаемых регионов очевидно, что промысловые занятия и отходничество в крестьянской среде не были существенными. Несмотря на то, что российская деревня, в целом, справлялась с обеспечением городов (американский исследователь П. Грегори отмечал рост ежегодных расходов на личное потребление горожан России в 1890-х гг. на 5,7%, в 1901-1905 на 2,9% [27; 69]), все же общее направление развитие сельскохозяйственного производства оставалось экстенсивным. Причиной этому служил низкий уровень индустриализации страны, когда не происходило полного удовлетворения спроса села на промышленную продукцию, а также низкая платежеспособность крестьянства. Большая часть сельскохозяйственных машин по-прежнему ввозилась из-за границы. С 1892 по 1905 гг. стоимость импорта возросла с 9 млн. 57 тысяч до 38 млн. 762 тысяч рублей, то есть в 4 раза [28; 159]. Более или менее ощутимые результаты начавшейся перестройки сельского хозяйства появились лишь к 90-м годам XIX века [29; 15].

Список литературы:

1. Петров В.И. Население Среднего Поволжья и Южного Приуралья во второй половине XIX века. Монография. – Оренбург, 2005. С.-72.
2. Состояние народонаселения в Оренбургской губернии 1864 г. ГАОО, ф. 6, оп. 8, д. 111, л. 16.
3. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Оренбургская губерния. СПб., 1904. - Т. 28. - С. 13.
4. Российское законодательство X-XX веков. Документы крестьянской реформы. М., 1989. - Т.7. - С. 63.
5. Петров В.И. Население Среднего Поволжья и Южного Приуралья во второй половине XIX века. Монография. – Оренбург, 2005. С.-75.
6. Петров В.И. К изучению крестьянского населения России во второй половине XIX века. //Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2012. № 3-4 (55-56). С. 136-141.
7. СЗРИ. Устав о паспортах и беглых. СПб., 1857. - Т.14. - Ст. I.
8. Там же. - Ст. 118.
9. Переселенцы в Оренбургской губернии. Заметка в Центральный Статкомитет действительного члена К.Е. Сувчинского. СПб., 1888. С.3.
10. Посчитано по: Статистический временник Российской империи за 1878 г. Сер III. Вып. 10. Поземельная собственность Европейской России 1877-1878 гг. Разработано Г. Ершовым. СПб., 1888. - С. 42-61. Статистический временник Российской империи за 1878 г. Сер. 3. Вып. 10. Спб. 1888. - С. 42-61.
11. Посчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Оренбургская губерния. СПб., 1904. Т. 28. - С. 108-109; Самарская губерния. СПб., 1904. - Т. 36. - С. 118, 119; Симбирская губерния. СПб., 1904. - Т. 39. - С. 108,109; Казанская губерния. СПб., 1904. - Т. 14. - С. 111-112.
12. Головин К.С. Крестьянское землевладение в двух понизовых губерниях. «Русский вестник» за июнь 1883 г., С.43 - 47.
13. Петров В.И. Население Среднего Поволжья и Южного Приуралья во второй половине XIX века. Монография. – Оренбург, 2005. С.-84.
14. РГИА, ф. 593, оп. 18, д. 17, л. 9.
15. Заметка в Центральный Статистический комитет действительного члена Сувчинского К.Е. Переселенцы в Оренбургской губернии. СПб., 1888. - С. 11-13.
16. Там же.
17. Посчитано по посевам и сборам хлеба в четвертях в 1861 г. в землях Оренбургского казачьего войска. ГАОО, ф. 6, оп. 8, д. 111, л. 22-24.
18. Смыков Ю.И. Казанское экономическое общество и проблема сельскохозяйственной техники в Среднем Поволжье (40-90-е годы XIX века). - В кн.: Очерки истории народов Поволжья и Приуралья. Изд-во КГУ. Казань, 1867. - С. 145-165.; Белецкий И. Очерк Новоузенского уезда. Самара, 1886.
19. Труды статистической экспедиции . Спб., 1883 . Отд. I. - С. 17, 22, 25, 28.
20. Подсчитано по: ГАОО, ф. 6, оп. 8, д. 111, л. 24.
21. РГИА, ф. 593, оп. 2, д. 1953, л. 7-18 об.
22. Конезаводы в 60 губерниях Европейской России и Кавказа. СПб., 1908. - С. 60-61.

23. РГИА, ф. 1302, оп. 11, д. 30, л. 20 об.
24. Конская перепись 1882 г. Спб., 1883. - С. 99.
25. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Самарская губерния. Спб., 1904. - Т. 36. - С. 118-119; Симбирская губерния. Спб., 1904. - Т. 39. - С. 108, 109; Казанская губерния. Спб., 1904. - Т. 14. - С. 111-112; Оренбургская губерния. Спб., 1904. - Т. 28. - С. 150, 151; Уфимская губерния. Спб., 1904. - Т. 45. - С. 160, 161.
26. Петров В.И. Население Среднего Поволжья и Южного Приуралья во второй половине XIX века. (Казанская, Симбирская, Самарская, Оренбургская, Уральская губернии) / В. И. Петров. Оренбург, 2005.
27. Грегори П., Зотеев Г. Экономический рост. Сравнительный анализ хозяйственных систем (Россия - СССР) // Коммунист. 1991. №1. - С. 69.
28. Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России 1881-1904. М., 1980. - С. 159.
29. Петров В.И. Состав населения Среднего Поволжья и Южного Урала во второй половине XIX века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук/ Оренбургский государственный университет. Оренбург, 2005.

УДК 316.42

ОРГАНИЗАЦИЯ НЕФОРМАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ КАК ФЕНОМЕН РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА¹

Петрова Елена Юрьевна
аспирант

Гуманитарный университет, Екатеринбург
E-mail: e_petrova@rambler.ru

ORGANIZATION OF CHILDREN'S NON-FORMAL EDUCATION AS A PHENOMENON OF PARENTAL LABOUR

Elena Yu. Petrova

post-graduate student, Liberal Arts University, Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ – В статье рассматривается вопрос о возможностях обеспечения потребностей современного информационно-ориентированного общества в свободном интеллектуальном развитии молодежи. Развивается идея о необходимости сочетания формального и неформального образования детей. Приводятся результаты теоретического социологического анализа возникающих в российских семьях проблем, связанных с организацией неформального образования, с точки зрения осуществления родительского труда. Делается вывод об актуальности выделения в структуре родительского труда особой категории – работы по организации неформального образования детей и необходимости выработки мер социальной поддержки таких семей.

ABSTRACT – In this article the question about providing opportunities of modern information-oriented society requirements for free improving of young people`s intellectual level is considered. The idea about the need of a combination of children`s formal and non-formal education develops. Results of the theoretical sociological analysis of the problems arising in the Russian families connected with the organization of non-formal education from the point of view of implementation of parental work are given. The conclusion about relevance of allocation a special category in structure of parental labour – the labour on the organization of non-formal education of children and needs to development measures of social support for such a families is drawn.

Ключевые слова: информационно-ориентированное общество; неформальное образование; родительский труд; мотивация; меры социальной поддержки.

---

¹ ГРНТИ 04.51.21